

К несчастью, те несколько десятков медных монет и золотая пластинка отнимали уйму времени, Ху Сун вернулся только к рассвету, когда его отпустили люди снаружи, и в итоге он даже не смог забрать свою одежду.

Вернувшись в поместье, он дождался супруги Ху Юньшэня, мать Ху Пэя, госпожу Цзи Муюнь, которая лично вручила ему письмо-контракт.

Госпожа Ху с необычайной мягкостью сказала: «Ху Сун, ты у нас уже давно, знаешь, что мой сын любит чистоту и порядок.

Твои пальцы грязные, одежда в беспорядке, это... ох, не буду больше ничего говорить. Вот твой контракт о службе, заberi его.

Жалованье в нашем поместье Ху невысокое, но мы никогда не притесняем слуг.

Я обещала, что если у тебя будет хорошее место, я верну тебе контракт.

Сохрани его, внутри расчет за этот год. Иди в управу младшего министра и попроси чиновников аннулировать твою запись, и ты станешь свободным».

Ху Сун, с помутившимся от изумления сознанием, сжимая контракт и лежащие внутри три серебряные монеты и тридцать медных, был выдворен из поместья Ху.

Ему нужны были деньги, поэтому он не стал спорить. Увидев, как Ху Линь несет на спине Ху Пэя, он хотел догнать их, но его остановил Минцюань, новый слуга, приставленный госпожой.

Минцюань свирепо посмотрел на Ху Суна: «Забирай свои деньги и уходи! Не выполнял обязанности, бегал по ночам развлекаться, какая госпожа осмелится оставить тебя рядом со своим сыном?»

Ху Сун с надеждой посмотрел на Ху Пэя, который равнодушно взглянул на него со спины Ху Линя.

Он беззвучно прошептал: «Молодой господин...»

Ху Пэй был мал, но его сердце было поистине велико.

Тело девятого молодого господина семьи Ху никогда не принадлежало Ху Пэю по праву рождения. Он долго выбирал подходящий сосуд и в итоге вселился в мертворожденного

младенца. Настоящая душа прежнего Сяо Цзю так и не увидела свет.

В те времена, когда врата Девяти Преисподних еще были открыты, душа Ху Пэя оказалась последней, кому удалось вырваться обратно в мир смертных. Сразу после его ухода подземное царство запечатало свои двери, и больше ни один дух не смог ни переродиться, ни покинуть темные недра.

Ху Пэй уже не помнил, как звали его в той далекой жизни, что он должен был свершить и отчего встретил свою смерть. Все его воспоминания обрывались на моменте, когда он, преодолевая сопротивление мириад других душ, с трудом выполз из Купели Перерождения, отказавшись подчиниться предначертанному пути.

Назовем то существование прошлой жизнью.

Единственным уцелевшим образом из прошлого оставался силуэт в серебристо-белых доспехах, который толкнул его в лазурные воды Купели, окутанные плывущими облаками. Однако стоило мятежному духу пойти наперекор течению и сделать первый шаг по дороге к мосту Найхэ, как крупницы памяти начали бесследно таять.

Призрачные стражи подземного мира не терпели подобного своеволия. Они жестоко избивали непокорную душу, пытались силой заставить ее подчиниться закону перерождения. И все же, преодолевая боль, Ху Пэй волочил свое истерзанное, полураспадшееся призрачное тело сквозь бурлящий поток душ. Он миновал мост и укрылся в призрачном городе Фэнду.

Местные обитатели, никогда не видевшие, чтобы кто-то мог сбежать из Купели Перерождения и выстоять под ударами стражей, с глумливым любопытством провожали взглядами хромающего мятежника до самого берега реки Ванчуань...

Ху Пэй до сих пор отчетливо помнил ту бурлящую красно-желтую реку. В ее зловещих водах топились и терзали друг друга злобные призраки. Он умолял лодочника переправить его на другой берег, но занятый перевозчик лишь безразлично отмахнулся.

Поскольку сесть в костяную ладью не удалось, у непокорного духа остался лишь один путь. Храня в угасающем сознании единственную зацепку — расшитый серебряными молниями край чьего-то белого одеяния, — он решительно шагнул в темные воды Ванчуань и поплыл к противоположному берегу, где на Желтом источнике пламенели цветы одуванчика-ликориса.

Река кипела. Злобные твари вцеплялись в его призрачную плоть, утягивая за собой в огненную бездну ада, бушующую на самом краю Ванчуань. Но Ху Пэй, ведомый упрямой, непреодолимой верой, отдавал последние духовные силы, настойчиво продвигаясь вперед.

На далеком берегу росло лишь одно древнее дерево. Привлеченное отчаянной борьбой одинокого духа, оно не пожелало смотреть, как тот сгинет в пучине, и протянуло ветвь, помогая выбраться на сушу.

Так Ху Пэй спасся. Ступив на тропу Желтого источника, он шел мимо осыпающихся алых лепестков ликориса, равнодушно взирая на то, как увядшие цветы сменяются ядовито-зелеными листьями, и упорно пробивался прочь из мрачных чертогов смерти.

Когда он наконец вернулся в мир смертных, от прежней памяти не осталось и следа. Сохранилось лишь воспоминание о побеге из Девяти Преисподних. Кем он был, к чему стремился — все стерлось, и только серебряный узор молний на белом шелке жил в его душе, обратившись в нерушимое наваждение.

Почти столетие его неприкаянный дух скитался по земле, постепенно теряя силы и угасая. И когда гибель казалась уже неизбежной, судьба свела его с лысым монахом, который держал в руках крошечную пагоду.

Монах назвался буддийским сыном из Западного моря.

Он направил на угасающую душу свет своей чистой, точно небесный кристалл, пагоды и произнес:

— Ты прошел через Купель Перерождения Девяти Преисподних и очистился от скверны. Твоя душа первозданно чиста, но теперь ты вновь осквернил ее земным прахом. Почему же ты тогда не переродился?

Дух уже ничего не помнил. Перед тем как окончательно раствориться в небытии, он лишь тихо вымолвил:

— Должно быть, во всем виновато упрямство. Кто знает... Я просто хочу найти ответ. Спросить: за что со мной так поступили?

После этого разговора монах долго и монотонно читал сутры, а затем отправил его душу в очищающую пагоду Цзин-та — артефакт, служивший посредником для перерождений.

В то время, когда Ху Пэй покидал подземный мир, на землях смертных бушевала великая война между праведными заклинателями и демонами, нарушившая равновесие неба и земли. Врата Преисподней закрылись. Чтобы спасти мир от превращения в безжизненное чистилище и позволить новым жизням появляться на свет, небесная воля породила эту буддийскую пагоду, сделав ее временным прибежищем для перерождающихся душ.

Попав в пагоду, Ху Пэй сразу оказался перед кругом перерождения. Стоило предначертать его будущую судьбу, как небесный закон должен был направить его в новый мир.

И перерождение действительно началось.

Связанный контрактом дух перенесся во дворец к супруге повелителя демонов. В ее лоне как

раз формировался плод белого лисенка — именно он должен был стать новым телом Ху Пэя.

Покоряясь силе духовного контракта, Ху Пэй чувствовал, как его угасающее существование обретает стабильность. Тогда он подумал:

"Что ж, лис так лис. Найду разгадку своего наваждения в этом облике. В мире смертных ведь говорят, что упорство преодолеет любые преграды"

К тому же Лес Десяти Тысяч Демонов находился на западном континенте Цзюньчжоу, совсем близко к землям бессмертных заклинателей. Там можно было практиковать магию и жить невероятно долго. Облик демона имел свои преимущества, особенно если тебе суждено стать маленьким принцем и получить огромные возможности.

Но как раз в тот момент, когда Ху Пэй смирился со своей участью, повелитель демонов заговорил с маленькой девочкой, стоявшей в покоях:

— Шуанлин, лисенок в животе твоей тетушки скоро станет принцем нашего клана. Когда он вырастет и унаследует престол, он станет твоим мужем. Что скажешь?

Миловидная малышка Хуа Шуанлин радостно захлопала в ладоши:

— Хорошо, хорошо! Пусть маленький принц станет моим мужем! Я буду королевой демонов!

Правитель и его супруга весело рассмеялись.

Ху Пэй же лишь нахмурился.

"Хорошо? А самого принца вы спросить не забыли?"

Дело было не в девочке Шуанлин. Ху Пэй просто не терпел, когда его лишали выбора, и интуитивно чувствовал, что это перерождение скует его по рукам и ногам. Превозмогая сдерживающую силу контракта, он вырвался из лона матери и сбежал из Леса Десяти Тысяч Демонов.

Дух связал себя клятвой перерождения, но отказался входить в назначенное тело.

Такое упрямство нарушило работу очищающей пагоды буддийского сына, что поставило под угрозу хрупкое равновесие всего мира Цзюньчжоу. Круг перерождения заклинило. Если бы задержка продлилась дольше, мир погрузился бы в хаос ложных реинкарнаций. Монаху пришлось искать сильную душу среди смертных мастеров, чтобы та помогла починить пагоду. В благодарность монах одолжил тому заклинателю, истинному суверену Сусин, древнее колесо перерождений для прохождения испытания внутренней нечисти на стадии Зарождения Души.

Когда же буддийский сын уладил дела с пагодой и отправился на поиски строптивого принца демонов, тот уже успел отыскать в мире смертных чрево человеческой женщины с мертворожденным плодом и вселиться в него.

Судьба переменчива: те, кто идет наперекор небесному закону, обречены на краткий век.

Ху Пэй, самовольно занимавший мертвые тела, расплачивался за это скорой и мучительной смертью в каждой жизни.

В первый раз, едва он успел немного подрасти, родственники продали его безумному жрецу. Попытка побега закончилась трагедией: близкий друг предал его, жрец заживо переломал мальчику ноги, и тот скончался от тяжелых ран.

Во второй раз судьба забросила его душу в лоно фаворитки императора Великой Чжоу. Любимая наложница Юань Фан носила под сердцем мертвого ребенка. Стоило Ху Пэю вселиться в него и явиться на свет, как служанка принесла чашу отравленного супа с женьшенем. Мать и дитя погибли в тот же час.

Ху Пэю тогда даже пришлось лично проводить преисполненную злобы душу своей названной матери Юань Фан к пагоде буддийского сына, чтобы та смогла очиститься и переродиться.

Сразу после этого едва оправившегося Ху Пэя чуть не утянуло в подземный мир из-за того, что в мире бессмертных заклинатели вновь открыли врата Девяти Преисподних. К счастью, он успел ускользнуть — с этого и началась его нынешняя история.

После того как он занял тело девятого молодого господина в семье Ху, невидимые оковы контракта перерождения на его душе слегка ослабли. В то же время он почувствовал, как возвращаются духовные силы, даруя ему способность защитить себя. А произошло это потому, что тело маленького принца лис изначально было лишено души, но клан неустанно поддерживал в нем жизнь с помощью редчайших небесных сокровищ, не позволяя плоти увядать. Душа Ху Пэя была связана с этим телом контрактом перерождения, и незримая нить постепенно исцеляла и укрепляла его собственный дух.

Появление на свет в семье великого церемониймейстера Ху Юньшэня стало его третьей попыткой удержаться в чужом теле.

Ху Пэй прекрасно понимал свое положение: беглец, нарушивший закон перерождения и идущий против воли Небес, обречен на короткую жизнь. Такова была кара за непокорность.

Но Ху Пэй обладал упрямым нравом.

Он не верил в злой рок. И если в повседневной жизни он казался ленивым и безучастным, то лишь из-за истощения духовных сил и вечной слабости смертного тела. Это вовсе не означало,

что он готов смириться и опустить руки.

Он намерен сразиться с самой судьбой и небесным законом.

Рано утром Ху Пэй в сопровождении слуг прибыл к Башне Бессмертных Облаков. Заведение уже было полно благородных гостей Золотой столицы, собравшихся на утренний чай.

Он пришел не слишком рано, но и не опоздал.

Завидев его у входа, прислужник расплылся в почтительной улыбке и вежливо поклонился:

— Господин Линцзюнь, прошу вас, поднимайтесь наверх. Накануне молодой господин младший министр зарезервировал для вас лучшие покои у окна. Прощу.

Ху Пэй мысленно усмехнулся.

"А этот младший министр образования действительно неглуп и умеет вести дела"

Стоило ему устроиться в комнате с изящным и светлым убранством, как слуга внес дымящуюся чашу превосходной каши «Яшмовые облака».

В столице говаривали: «Изумрудная зелень таит в себе тысячи вкусов, а нежная белизна дарует истинное блаженство». И речь шла всего лишь о... изысканной овощной каше Башни Бессмертных Облаков.

Ху Пэй слегка приподнял подбородок и постучал пальцами по столу.

Минцуань оказался куда сообразительнее прежнего слуги. Он тут же поспешил наполнить пиалу для молодого хозяина, а затем разложил на нефритовые тарелочки легкие сладости — «Золотую росу на белых облаках» и «Яшмовые бутоны».

Ху Пэй отпил глоток. Лицо его осталось бесстрастным, но в душе он остался доволен.

Каша оказалась нежной, тающей во рту. Овощи сохранили легкую свежесть, лишенную как разваренной безвкусной мягкости, так и сырой травянистой терпкости.

Единственной целью его столь раннего визита было желание отведать этот знаменитый завтрак, благо платил за него кто-то другой.

Едва Ху Пэй закончил трапезу и ополоснул рот водой, которую услужливо поднес Минцуань, как с улицы донесся громкий бой гонгов.

Кто-то расчищал дорогу, выкрикивая во весь голос:

— Сегодня молодой господин Чао Цо из дома Чао признает свое поражение в споре! В конфуцианском учении сказано: «Почтительность к родителям — начало всех добродетелей». Совершивший проступок не станет порочить близких, а честный муж не утаит правды! Посему сегодня он, без верхнего платья, верхом на коне проследует по улицам города в знак искупления своей вины! Спор решен, бывшие обиды забыты, а раскаявшийся грешник дороже золота! Просим жителей столицы судить о людях справедливо, видя и дурное, и хорошее. Благодарим за внимание!

Ху Пэй сделал знак Ху Линю. Тот быстро приставил к окну стул, и мальчик, встав на него, выглянул на улицу.

Внизу разворачивалось забавное зрелище. На белоснежной лошадке, заливаясь слезами и изо всех сил стараясь не разрыдаться в голос, ехал совершенно голый Чао Цо — на нем оставались лишь белые шелковые исподние штаны, плотно облежавшие бедра. Поводья вел слуга из управы младшего министра образования.

"А господин Чао Ган действительно мастер своего дела. Поставил сына на край пропасти, чтобы пробудить в нем волю к учению. Конечно, есть риск сломать мальчишке хребет и навсегда лишить его гордости, но все же..."

Ху Пэй молча провожал взглядом белую лошадь с плачущим всадником, попутно подмечая реакцию толпы.

Прохожие перешептывались, тыкали пальцами, но под влиянием громких криков глашатаев их разговоры быстро свернули на благодатную тему: «Младший министр Чао проявил удивительную твердость в воспитании и верность слову».

Горожане соглашались друг с другом: не стоит насмехаться над юным Чао Цо, ведь мало кто способен разглядеть искру добродетели в оступившемся ребенке, и долг каждого честного человека — поддержать мальчика в его раскаянии.

"Неудивительно, что он собирается породниться с великим канцлером. Пройдет совсем немного времени, и его должность лишится приставки «младший»... Что ж, пора возвращаться в школу Белого Коня"

Ху Пэй спрыгнул со стула и вышел из покоев.

Ху Линь привычно устроил его на своей спине. Шагал слуга быстро, и вскоре они нагнали

процессию Чао Цо.

Минцуань к тому времени уже отправился обратно в усадьбу Ху.

Завидев Ху Пэя на спине слуги, Чао Цо едва не задохнулся от злости, у него даже потекли сопли. Но помня суровые наставления отца, он удержал себя в руках.

Казалось, этот нелепый проигрыш за одну ночь заставил упрямца познать и стыд, и законы этого мира.

Ху Пэй похлопал Ху Линя по плечу, сошел на землю и встал у края дороги.

Он вежливо поклонился ехавшему на лошади Чао Цо, как подобает благородному ученику конфуцианской школы.

— Слышал я, брат Чао, что отныне ты намерен усердно предаваться наукам. Буду ждать нашей встречи в Государственном университете, дабы продолжить наше соперничество на поприще знаний.

Чао Цо вытаращил глаза, мгновенно позабыв о слезах.

"Какое еще усердие? Что несет эта девчонка в мужском платье? Он что, забыл, что меня в начале года выставили из школы Белого Коня?!"

Мальчишка уже готов был разразиться бранью, но управляющий дома Чао, лично ведший коня по приказу Чао Гана, вовремя потянул поводья назад и слегка шлепнул Чао Цо по голой ноге:

— Молодой господин, помните, что говорил ваш батюшка.

Чао Цо осекся. Тяжело вздохнув, он с трудом подавил гнев. После позора, который он перенес, проехав в одних штанах через полгорода, любые насмешки уже не имели прежней силы.

Сжав зубы, он выдавил:

— Ху Пэй... Господин Линцзюнь, ты только жди. Я поступлю туда раньше тебя и буду ждать тебя в стенах Государственного университета.

— Договорились, — с улыбкой отозвался Ху Пэй.

"Что ж, этот ответ вполне окупает серебро, потраченное младшим министром на мой завтрак"

Не обращая внимания на восхищенные вздохи и шепотки зевак, замороженных его улыбкой, Ху Пэй вновь взобрался на спину слуги и велел нести себя к школе Белого Коня.

К вечеру слухи поползли по всей столице. Горожане захлеб обсуждали, что молодой Чао Цо не только не опозорил имя предков, но и проявил истинно мужскую стойкость, ответив за свои слова как подобает благородному мужу.

Господина Линцзюня же превозносили за великодушие и мудрость: он не стал злорадствовать, а напротив, вдохновил товарища на путь истинный. Их противостояние превратилось в красивую историю о дружбе, начавшейся со спора, который разрешится лишь в стенах Государственного университета.

В Великом золотом дворце Великой Чжоу проходило утреннее собрание.

Один из чиновников попытался было очернить младшего министра образования Чао Гана в Зале Усердного Правления, обвинив его в «неумении воспитывать детей».

Однако великий канцлер Цзи Сюэкан лично рассказал императору о том, как Чао Ган заставил сына искупить вину уличным позором, подчеркнув твердость характера и честность чиновника.

Выслушав его, император Дигэн горячо одобрил поступок Чао Гана, найдя его методы воспитания суровыми, но справедливыми, а семейный уклад — безупречным.

Уже на следующий день хвалебные речи достигли ушей самого государя Сюаньюань Ди.

Довольный правитель не поскупился на милости. Своим указом он возвысил Чао Гана, пожаловав ему должность срединного чиновника по делам служилых людей — сиши. Отныне тот ведал реестрами чинов и выдачей жалованья, встав в один ряд со старейшинами ведомств.

Для Чао Гана это был колоссальный взлет — его ведомство вошло в подчинение самого канцлера Цзи Сюэкана, главы палаты министров.

Разумеется, император не обделил вниманием и великого церемониймейстера Ху Юньшэня, похвалив его за достойное воспитание сына.

Поскольку Ху Юньшэнь занимал высший пост среди пяти министров, продвигать его дальше было некуда, а все денежные награды семья Ху неизменно отдавала на благотворительность, император принял иное решение. Он даровал роду Ху право определить одного из сыновей на службу в обход строгих экзаменов Государственного университета.

Для обедневшей семьи высокопоставленного чиновника это стало невероятной щедростью.

Старшие сыновья второго господина Ху Юньчжи уже получили должности за плату, а дочери были выданы замуж. По решению главы рода, Ху Юньшэня, императорская милость пала на шестого молодого господина — Ху Янга, сына третьего господина.

Что же касалось девятого сына великого церемониймейстера, Сяо Цзю, то с его умом, талантами и славой господина Линцзюня никто не сомневался, что он без труда сдаст любые экзамены и сам пробьет себе дорогу.

Утром Ху Ян торопился в Государственный университет и не успел повидаться с кузеном. Но едва закончились занятия, он уже поджидал Ху Пэя у ворот начальной школы Белого Коня.

Завидев показавшегося на пороге младшего брата, Ху Ян радостно закричал:

— Сяо Цзю! Я всё знаю! Ха-ха-ха!

Ху Пэй остался холоден и молча устроился на спине Ху Линя.

Ху Ян, не замечая его безучастия, продолжал сиять от счастья:

— А ты говорил, что выбиться в люди непросто. Оказалось — легче легкого! Теперь мне не о чем беспокоиться, должность сама плывет мне в руки!

Ху Пэй покосился на расходящихся учеников, которые начали с любопытством оглядываться на них, и сухо заметил:

— Если шестой брат так жаждет лишиться этой милости, пусть кричит еще громче, чтобы точно вся столица услышала.

Ху Ян испуганно зажал рот ладонью, воровато огляделся по сторонам и виновато заулыбался:

— Твоя правда, твоя правда... Ну и голова у тебя, Сяо Цзю! Любое дело в твоих руках оборачивается благом.

— Творя добро другим, не всегда обретешь счастье, но беду отведешь наверняка. Так говорит наш наставник, — с тонкой усмешкой отозвался Ху Пэй.

А про себя подумал:

"Твори больше добрых дел, копи заслуги — глядишь, в этой жизни окончательно избавишься от оков контракта перерождения, не придется влезать в шкуру лисы, да еще и проживешь до ста лет"

— До чего же ты сметлив, братец! Избежал неприятностей, да еще и удачу приманил. Мой отец говорит, что ты — сокровище всей нашей семьи Ху, — продолжал рассыпаться в похвалах Ху Ян.

Ху Пэю эти пустые речи были неинтересны.

Лениво скользнув взглядом по улице, он заметил проходившего мимо торговца с коромыслом. В одной из его клеток копошился какой-то зверек с белоснежной шерстью, спрятав голову под согнутую шею и свернувшись клубком между лапами.

Сердце Ху Пэя странно екнуло.

Он прищурился и кивнул в сторону торговца:

— Шестой брат, пойдй глянь, что там за диковина.

Ху Ян, отличавшийся живостью характера, тут же бросился догонять разносчика:

— Эй, почтенный, стой!

Торговец остановился, опустил ношу и с угодливой улыбкой поклонился:

— Молодой господин, звали меня?

— Да, тебя. Скажи-ка... — Ху Ян замялся и растерянно обернулся к подошедшему Ху Линю, на спине которого восседал Ху Пэй. — Сяо Цзю, а зачем они тебе? Неужто тебе приглянулись эти белые пушистики и ты хочешь забрать их домой?

В левой клетке торговца сидели три кудрявые белые собачки. Завидев благородных господ, они залились звонким лаем.

— Гав-гав!

"Ой, какой красивый человек! Он хочет нас купить? Я пойду с ним... Гав-гав! Пусть даже кормить мясом не будет, всё равно пойду!"

— Гав-гав!

"Мне тоже нравится его запах... И одет богато, точно будет мясо!"

— У-у-у...

"Я так голоден, животик сводит... Забери меня скорее, у-у-у..."

В левой клетке стоял невообразимый шум, тогда как в правой пушистый белый зверек по-прежнему лежал неподвижно, даже не поднимая головы.

Ху Пэй пристально разглядывал существо в правой клетке, пока кудрявые собачки слева продолжали шумно переговариваться между собой:

— Гав-гав!

"Глядите, он смотрит на Сяо Бая! Ну посмотри на меня, на меня..."

— Гав-гав!

"Совсем ослеп, что ли? Но он мне все равно нравится! Посмотри же на меня... Тот, гладкошерстный, он же злощный!"

— У-у-у...

"Матушка говорила, что Сяо Бай — вовсе не собака, и лучше его не злить... У-у-у... Ну выберите меня!"

<http://bllate.org/book/18313/1758443>